

УДК 81'42

Вековищева С.Н., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

Ф.Ф. ФОРТУНАТОВ: МЕЖДУ ДВУМЯ ПАРАДИГМАМИ

S. Vekovishceva, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

F. FORTUNATOV: BETWEEN TWO PARADIGMS

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты деятельности одного из виднейших представителей отечественной науки о языке – Ф.Ф. Fortunatova. Отмечается, что она, с одной стороны, была во многом воплощением и развитием постулатов, выдвинутых младограмматической школой, а с другой – рассматривается как один из источников формирования новой лингвистической парадигмы, становление которой происходило уже после смерти Fortunatova. Указанное обстоятельство во многом обусловило тот факт, что хотя роль основоположника Московской лингвистической школы, как правило, всегда оценивалась достаточно высоко, в центре внимания в различные эпохи оказывались различные моменты его наследия.

Ключевые слова: Fortunatov, лингвистика, парадигма, младограмматики, структурализм, Московская лингвистическая школа.

Abstract. The present paper deals with the main aspects of the activity of F. Fortunatov – one of the most prominent figures among Russian linguists. It is mentioned, that his views represented on one side the realization and development of the postulates, formulated by the members of the Neogrammarian school, whereas on the other they are treated as one of the sources of the new linguistic paradigm, the formation of which took place after Fortunatov's death. This may explain the fact, that although his legacy, as a rule, has always been highly estimated, in different periods of linguistics development the attention was concentrated on its different aspects.

Key words: Fortunatov, linguistics, paradigm, Neogrammarians, structuralism, the Moscow school of linguistics.

Говоря в конце 50-х г. прошлого века о серии «Замечательные учёные Московского университета», С.Б. Бернштейн записал в своём дневнике: «К сожалению, никто не хочет писать о Fortunatove. Его легко прославлять, но трудно написать о нём работу. Во многом Fortunatov – легенда» [5, с. 249].

За более чем полвека, прошедшие после этих слов, о Филиппе Фёдоровиче Fortunatove было написано достаточно много (в том числе и в плане «прославления»), но думается, что замечание известного отечественного слависта в определённой степени сохранило свою актуальность. И связано это не только с личностью самого основателя Московской лингвистической школы, но и с той эпохой, на которую приходится его научная деятельность.

Для историков нашей науки давно уже стала своего рода общим местом констатация того известного факта, что в начале прошлого века происходит процесс, квалифицируемый обычно как смена сравнительно-исторической парадигмы языкознания системно-структурной и, соответственно, вытеснение младограмматической концепции языка различными течениями структурализма. Подобная трактовка (как, впрочем, и любая схема

исторического процесса), естественно, характеризуется некоторым упрощением (в языкознании конца XIX – начала XX столетия была представлена не только компаративистика в её младограмматической ипостаси, а на смену последней пришла отнюдь не только лингвистика структурная). Однако в целом, вероятно, она может рассматриваться как достаточно адекватно отражающая указанный этап развития науки о языке.

И в этой связи в какой-то степени символическим представляется то обстоятельство, что как раз названный период ознаменовался уходом из жизни двух выдающихся учёных, каждый из которых сыграл в указанном процессе замечательную, хотя и далеко не одинаковую роль. 1913-ый год стал последним в жизни Фердинанда де Соссюра; в 1914-ом завершился путь Филиппа Фёдоровича Фортунатова.

О том, с какими парадоксальными моментами связана биография первого, писали многие, включая и авторов настоящей статьи [7]. Действительно, говоря о швейцарском лингвисте, почти все исследователи отмечают (и даже подчёркивают) то обстоятельство, что годы пребывания в Женеве «внешне выглядели как жизнь неудачника, не сумевшего в условиях непризнания остаться на уровне своей юношеской книги»¹ [1, с. 132,], а умер Ф. де Соссюр «почти совершенно забытый современниками» [19, с. 671]. О его российском коллеге такое вряд ли можно сказать. Напомним только важнейшие вехи его «послужного списка»: в 1886 г. в возрасте 28 лет Фортунатов возглавляет кафедру сравнительного языковедения в Московском университете, в 1884 г. по ходатайству Московского и Киевского университетов ему присуждается учёная степень доктора сравнительного языковедения без защиты диссертации, в 1898 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук, а спустя всего 4 года становится её действительным членом... Причём, признают Ф.Ф. Фортунатова не только соот-

ечественники (что вообще-то для русского учёного его, да и не только его, времени – явление отнюдь не частое). В 1907 г. он становится действительным членом Сербской Академии наук, в 1908 – Финно-Угорского общества в Гельсингфорсе (нынешний Хельсинки, тогда бывший частью Российской империи), в 1911 г. ему присуждается почётное звание доктора философии университета в Христиании (Осло) в Норвегии (см.: [6, с. 265]). «Удостоился упоминания» (единственным из русских учёных!) Ф.Ф. Фортунатов и в созданной в 20-е г. прошлого века и получившей с 30-х г. после перевода на английский, широкую известность книге Х. Педерсена, посвящённой основным достижениям лингвистической мысли XIX столетия. Правда, фигурирует он исключительно как исследователь, наряду с другими (включая опять-таки Ф. де Соссюра!) «проливший свет на историю интонации в литовском ударении» [22, р. 66]. В этом отношении у Л.В. Щербы при рассмотрении вопроса о том, насколько известны были своим современникам крупнейшие русские лингвисты, были все основания констатировать: «Едва ли не наибольшая удача выпала на долю Ф.Ф. Фортунатова: он имел особенно много учеников – будущих профессоров разных русских университетов, которые и распространяли его идеи» [21]. Ядро этих учеников и составляет Московскую лингвистическую школу, сыгравшую важную роль в развитии отечественного языкознания (подробнее см.: [4; 9; 10] и ряд других работ).

Характерно, что на упомянутую «удачу» не повлияло даже то обстоятельство, что основоположник названной школы, как и его женеvский коллега, имел относительно мало печатных трудов, а в последнее десятилетие после избрания академиком и переезда в Петербург практически прекратил научно-педагогическую деятельность. (Одним из крупнейших представителей лейпцигского младограмматизма Б. Дельбрюком был даже высказан полушутливый упрёк в адрес основоположника Московской школы и его коллег в том, что «эти ленивые русские» «не любят писать» и «можно сказать, боятся пе-

¹ Имеется в виду известный «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. – С.В. Г.Х.

чатного станка» [13, с. 778].) Да и русский язык, на котором в основном создавал свои труды Фортунатов, в отличие от французского – родного языка Ф. де Соссюра, был в те годы (как, впрочем, и ныне), относительно мало известен нашим зарубежным коллегам (за исключением, естественно, учёных-славистов). В цитированной выше статье Л.В. Щерба, рассуждая о том, почему Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Потебня и И.А. Бодуэн де Куртенэ «были вождями лингвистической мысли у себя на родине, но не были вождями мировой науки о языке», заметил: «Внешняя причина лежит, конечно, в языке, на котором они все писали: *rossica non leguntur*. Один из видных лингвистов... сказал мне тридцать пять лет тому назад на прощанье, после того как я целый год у него занимался одним редким языком: “Желаю Вам стать знаменитым специалистом по этому языку; только не пишите по-русски – всё равно не буду читать”» [21]. И тем не менее, один из наиболее преданных учеников Фортунатова, ставший его преемником по кафедре сравнительного языкознания в Московском университете В.К. Поржезинский мог, говоря о трудах своего учителя, с известным основанием констатировать: «Многие учёные Запада знали только те из них, которые появились на немецком языке, и своё знакомство с Филиппом Фёдоровичем дополняли сведениями, почерпаемыми частью из бесед с его учениками русскими и иностранцами, частью из их произведений, содержащих ссылки на мнения и воззрения учителя. Несмотря на некоторую фрагментарность и скудость такого рода источников, в крупнейших центрах лингвистической науки Европы знали, с каким оригинальным и большим дарованием они имели дело в лице создателя и главы московской школы. При более полном знакомстве с его научным творчеством, которое так цельно и блестяще раскрывалось в университетских чтениях и занятиях, иностранные учёные, приезжавшие в Москву к Фортунатову, становились обыкновенно тем более горячими его поклонниками» [14]. Причём такого рода контакты носили не только официальный характер:

«Влияние Филиппа Фёдоровича не ограничивалось стенами университетских аудиторий: он не щадил своего времени для личных бесед со своими слушателями. Желавших учиться у него и имевших достаточные данные для того (а таких было много и в Москве, и в других городах, и за границей) он встречал особенно приветливо. Его четверги были дополнением и продолжением его университетской деятельности; их посещали и молодые студенты, и молодые учёные, и товарищи, и друзья гостеприимного хозяина. Для всех участников этих собраний они останутся навсегда в благодарной памяти. В скромной квартире Филиппа Фёдоровича скоро образовалась своего рода академия по языковедению, и влияние этих собраний было глубоко и благотворно; всё более и более разрастаясь вширь, оно захватывало и многих иностранцев, приезжавших в Москву для личного знакомства с Филиппом Фёдоровичем» [14]. Опять-таки можно отметить контраст с Ф. де Соссюром, который после переезда в Женеву, напротив, «всё больше и больше замыкается в себе, всё больше и больше удаляется от друзей. Связи его с лицами, близкими ему в парижский период его жизни, становятся всё менее регулярными» [19, с. 666].

Посмертная же судьба обоих лингвистов складывается уже несколько по-иному. Если слава и авторитет Ф. де Соссюра в годы, следовавшие за публикацией «Курса общей лингвистики», шли, что называется, «по восходящей», то с Ф.Ф. Фортунатовым дело обстояло сложнее. С одной стороны, среди классиков отечественного языкознания конца позапрошлого – начала прошлого столетий он выглядел наиболее полно соответствующим образу ортодоксального европейского компаративиста – т. е. представляющим ту самую парадигму сравнительно-исторического языкознания, оппозиция которой, начиная с 20-х г., представлялась неременной характеристикой «современного» (в тогдашнем понимании) учёного. Сделанного им, разумеется, не отрицали (если не считать некоторых крайних представителей марковского «нового учения о языке», борющихся

с «буржуазной» наукой, – см. об их деятельности: [2]). Но методология его исследований (а в определённой степени и их направленность) казалась многим представителям формировавшейся структуралистической парадигмы в значительной степени «вчерашним днём». Пожалуй, особенно ярко это сказалось в позиции Н.С. Трубецкого. По его словам, «научные внуки» основоположника Московской школы, «естественно, были преисполнены уважения к Ф.Ф. Фортунатову, но относились к нему не как к фетишу, и учение его принимали не целиком, не без разбору, а лишь постольку, поскольку оно удовлетворяло строгой методологической критике. Никто из этих «научных внуков» Ф.Ф. Фортунатова не успокоился на фортунатовской системе, все так или иначе усмотрели в этой системе пробелы и недостатки и поставили себе задачей преодолеть эти недостатки; Ф.Ф. Фортунатов стал для них не «последним словом науки», а отправным пунктом их научного развития» [16, с. 200]. Даже в наиболее близкой «сравнительно-исторической парадигме» области, касавшейся собственно славистики, Н.С. Трубецкому, по его собственным словам, «с догмой «Московской школы» пришлось порвать довольно решительно» [12, с. 3].

С другой стороны, для большинства непосредственных последователей Ф.Ф. Фортунатова его принадлежность к младограмматической ипостаси «сравнительно-исторической парадигмы» (хотя последнее понятие появилось много десятилетий спустя) была, с некоторыми оговорками, очевидной и расценивалась как весьма положительное и «передовое» явление. Часто цитируемые слова его учеников о том, что «Филипп Фёдорович не только не шёл на помочах за состоянием лингвистической науки на Западе, но, наоборот, во многом опережал её успехи» [14], подразумевали, в первую очередь, именно компаративистскую сферу его деятельности. Об этом с полной очевидностью свидетельствует фрагмент из принадлежащего А.А. Шахматову некролога, из которого, правда, цитировалась чаще только первая часть: «Ученики Фортунатова убеждены в том, что он шёл впереди

немецкой науки и думают, что появление его лекций в свет теперь, спустя 15 – 20 лет после их прочтения внесёт в исследование индоевропейской фонетики и вообще в сравнительное языкознание новое и неожиданное освещение» [20, с. 969]. Причём, именно в этой области произошло, насколько нам известно, единственное при жизни московского и женеvского лингвистов заочное пересечение их научных идей. Приведём в этой связи слова В.К. Поржезинского: «В его письменном столе хранилась не одна вполне готовая к печати работа, опубликованию которой помешало или новое, возникшее у автора сомнение, или чисто внешнее обстоятельство – появление в печати статьи, близко совпадавшей по содержанию с его мыслями. Так случилось, например, с статьёй “Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen”, появившейся в IV т. Arch. f. slay. Phil, и оставшейся без продолжения потому, что с Филиппом Фёдоровичем близко сошёлся в существенных выводах de Saussure» [14]. Упомянул об этом сходстве и А.А. Шахматов. Однако, по своеобразной иронии судьбы, его слова: «Теперь учение Фортунатова и де Соссюра кладётся в основание всех последующих работ современных лингвистов» [20, с. 972], – стали восприниматься несколько десятилетий спустя уже в новом контексте, связанном с формированием последующей – системно-структурной лингвистической парадигмы. Не принадлежавший к числу адептов последней Ф.М. Березин в связи с этим отмечал: «И если традиционно предтечами структурализма считаются И.А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр, то косвенными нитями некоторые положения современного структурализма связаны также с именем Ф.Ф. Фортунатова» [4, с. 132]. Из самих отечественных структуралистов об этом писал Ю.Д. Апресян, говоря о предшественниках данного направления: «К их числу, вне всяких сомнений, принадлежал Ф.Ф. Фортунатов, создавший замечательно стройное для своего времени грамматическое и общелингвистическое учение» (правда, оговариваясь при этом: «Однако по ряду причин

ему не суждено было оказать того влияния на развитие науки, на которое мог бы рассчитывать учёный его масштаба... В качестве своих непосредственных предшественников и учителей представители... основных школ структурной лингвистики называют не Ф.Ф. Фортунатова, а И.А. Бодуэна де Куртене и Ф. де Соссюра [3, с. 24]). Аналогичное высказывание находим и у И.И. Ревзина: «Весьма важное влияние на развитие лингвистики... оказали традиции формального изучения морфологии и синтаксиса, сложившиеся в школе акад. Ф.Ф. Фортунатова» [15, с. 9]. Но, пожалуй, наиболее часто в этой связи вспоминают одного из наиболее последовательных структуралистов, основоположника глоссематики Л. Ельмслева, писавшего примерно в те же годы, что и Н.С. Трубецкой, чьи слова цитировались выше: «Русская школа подошла ближе всего к практической реализации этих идей. Несмотря на то, что теории Фортунатова и его учеников в некоторых особых пунктах вызывают критические замечания, им принадлежит заслуга в постановке проблемы существования чисто формальных категорий и в протесте против смешения грамматики с психологией и логикой. Они, наконец, строго различали синхронию и диахронию. К сожалению, они применяли свои принципы лишь к грамматике современного русского языка. Но теории этих известных лингвистов, так же как и их детальная и последовательная реализация в определённой области, заслуживают внимания всех тех, кто интересуется грамматикой» (цит. по: [1, с. 104–105; 4, с. 132]).

Эти часто цитируемые слова, на наш взгляд, требуют – с точки зрения тематики предлагаемой статьи – одной существенной оговорки. В.М. Алпатов в своё время заметил: «Как и Г. Пауль, и, пожалуй, в ещё большей степени, Ф.Ф. Фортунатов несколько вразрез с общими постулатами своего подхода занимался вопросами общих оснований грамматики вне какого-либо историзма» [1, с. 103]. Действительно, на первый взгляд может показаться противоречивым, что основа названных «общих оснований грамматики»

– учение о форме слова – разрабатывалась основоположником Московской лингвистической школы в курсе *сравнительного языковедения*, открывавшегося словами: «Предметом, изучаемым в языковедении, является... вообще человеческий язык в его истории» [18, с. 3]. Иными словами, создавалась концепция, в которой, как было показано выше, усматривали отражение процесса становления «новой» для начала прошлого столетия лингвистической парадигмы в рамках парадигмы «старой» – младограмматической компаративистики. Однако думается, что для самого Ф.Ф. Фортунатова (как и для Г. Пауля) никакого противоречия здесь не было. *Стратегической задачей* того и другого было действительно изучение «языка в его истории»; одной из важнейших *тактических предпосылок* последнего являлось создание такой системы понятий и категорий, которая позволила указанную задачу реализовать. Здесь позиции обоих исследователей в принципе совпадают. Не случайно Г. Пауль, говоря о задачах *историка* языка, подчёркивал: «Ему, конечно, не миновать описания состояний и й, поскольку он имеет дело с обширными комплексами сосуществующих элементов... описание состояния языка, которое может служить надёжной основой для исторического исследования, – дело нелёгкое и подчас совсем трудное. Традиционные грамматические категории лишь весьма несовершенное средство для раскрытия внутренней группировки языковых фактов» [11, с. 50, 52]. Правда, Г. Пауль, характеризуя упомянутую традиционную систему частей речи, ограничился пессимистическим замечанием: «Нетрудно доказать, что она обладает рядом недостатков. Но коль скоро мы стремимся к тому, чтобы отнести каждое слово к определённой классу, нам вряд ли удастся заменить эту классификацию более удачной. Попытки установить строго логическую систему разграничения вообще несостоятельны» [11, с. 415]. Фортунатов и его последователи, не довольствуясь простой констатацией того, что в традиционной грамматике наблюдается «постоянное смешение грамматических клас-

сов слов с классами того, что обозначается или выражается словами» [17], как известно, предприняли попытку всё-таки создать «строгую логическую систему разграничения», опираясь на упомянутое выше учение о форме слова. Однако *принципиальное* противоречие с грамматическим мировоззрением их лейпцигских коллег в данном случае, на наш взгляд, также отсутствует. Тот же Г. Пауль признавал, что «наиболее последовательную классификацию можно провести, если взять за основу систему флексий» [11, с. 418] (хотя и оговаривал связанные с нею сложности). С другой стороны, как известно, согласно Фортунатовской школе, именно присутствие в слове делимости на основу и аффикс даёт слову то, что мы называем его формой, и именно на этой основе строится столь высоко оценённая представителями «системно-структурной парадигмы» классификация слов его учеников и последователей. Так что об «антимладограмматизме» Фортунатова говорить и в данном случае не приходится, хотя одним из предшественников будущей оппозиции младограмматической доктрине он, как мы видели, действительно стал.

При характеристике отмеченного своеобразия роли и места основоположника Московской лингвистической школы в отечественном и мировом языкознании, как уже было показано выше, наблюдалась вполне естественная тенденция объединить его с двумя другими крупнейшими языковедами «границ веков» – Ф. де Соссюром и И.А. Бодуэном де Куртенэ. Указанное обстоятельство нашло в своё время отражение в известном труде В.И. Кодухова. Подчёркивая, что названные учёные «имеют свою лингвистическую концепцию, которая во многом отличалась и от младограмматизма, и от структурализма», автор приходит к выводу, что «данное лингвистическое направление целесообразно называть неограмматизмом» [8, с. 58].

Правда, подобное объединение наталкивается на некоторые сложности. С одной стороны, различий между названными языковедами можно, вероятно, обнаружить не меньше, чем сходств. С другой – само на-

звание «неограмматизм» часто употреблялось – особенно в англоязычной традиции – именно для обозначения «классического» младограмматизма. (Это, кстати говоря, вызвало возражения со стороны одного из наших зарубежных коллег, отмечавшего некорректность подобного рода передачи немецкого *Junggrammatiker*: «Since the English equivalent of terms like ‘Jungt̄rken’ is ‘Young Tuks’ etc. it seems appropriate to translate ‘Junggrammatiker’ as ‘Young Grammarians’ and not as the commonly used but insipid ‘neogrammarians’» [23, p. 93].) Однако думается, что предложенная В.И. Кодуховым квалификация (независимо от удачности/неудачности самого названия) по отношению конкретно к наследию Ф.Ф. Фортунатова представляется достаточно обоснованной. Подобный подход как раз и позволяет определить последнее как своеобразную «промежуточную парадигму» между двумя названными выше. Естественно, что в «деструктуралистический» период внимание привлекали те аспекты деятельности основателя Московской лингвистической школы, которые вытекали из его компаративистских («младограмматических») установок; в последующие годы в центре внимания многих представителей выходившего на научную арену структурализма оказывались уже «синхронические» аспекты его концепции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
2. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 240 с.
3. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
4. Березин Ф.М. Русское языкознание конца XIX – начала XX в. – М.: Наука, 1976. – 366 с.
5. Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневники. Письма. – М.: Институт славяноведения РАН: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – 394 с.
6. Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды (библиогр. словарь). Т. 1. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 320 с.

7. Вековищева С.Н., Хухуни Г.Т. Автор и текст (к столетию со дня смерти Ф. де Соссюра) // Вестник МГОУ. – Серия «Лингвистика». – 2012. – № 5. – С. 10–15.
8. Кодухов В.И. Общее языкознание. – М.: Высшая школа, 1974. – 303 с.
9. Никитин О.В. Научное наследие Московской лингвистической школы. Часть I. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45526.php> (дата обращения: 20.09.2013).
10. Никитин О.В. Научное наследие Московской лингвистической школы. Часть II. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45906.php/> (дата обращения: 20.09.2013).
11. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
12. Письма и заметки Н.С. Трубецкого. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
13. Покровский М.М. Памяти Ф.Ф. Фортунатова// Slavia, Roč. 3, Seř. IV. – Praha, 1925. – С. 776-779.
14. Поржезинский В.К. Ф.Ф. Фортунатов: некролог // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – Ч. 54. Декабрь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=134&pid=160&sub=workabout> (дата обращения: 20.09.2013).
15. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
16. Трубецкой Н.С. В.К. Поржезинский// Slavia, Roč. 9, Seř. I. – Praha, 1930. – С. 199-203.
17. Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/FORTUNATOV-04/txt.html> (дата обращения: 16.09.2013).
18. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс. – М: КРАСАНД, 2010. – 184 с.
19. Холодович А.А. Фердинанд де Соссюр. Жизнь и труды// Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 650–671.
20. Шахматов А.А. Филипп Фёдорович Фортунатов. Некролог. – Пг.: Тип. Имп. АН, 1914. – 10 с.
21. Щерба Л.В. Ф.Ф. Фортунатов в истории науки о языке// Вопросы языкознания. – 1963. – № 5. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=136&pid=160&sub=workabout> (дата обращения: 16.09.2013).
22. Pedersen H. Discovery of Language. Linguistic Science in the Nineteenth Century. – Bloomington: Indiana University Press, 1962. – 360 p.
23. Seuren P.A.M. Western Linguistic. An Historical Introduction. – Oxford: Blackwell Publishers, 1998. – 570 p.